

DOI: 10.15372/HSS20170202
УДК:94(47)"1917":323.27+32.019.51

В.Н. САМОХОДКИН

АГИТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г.Е. ЗИНОВЬЕВА В АПРЕЛЕ – ИЮНЕ 1917 г.

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт Истории,
РФ, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5

В условиях партийного плюрализма, вызванного к жизни в России Февральской революцией, агитация для политических партий приобретала особое значение. В настоящей статье освещается деятельность одного из виднейших представителей РСДРП(б) Г.Е. Зиновьева как агитатора, на основе сохранившихся стенограмм его речей анализируются пропагандируемые им идеи. По заключению автора, укрепившееся в советской историографии мнение о том, что Зиновьев уже с весны 1917 г. стоял в оппозиции к В.И. Ленину, является неверным.

Исследование базируется на материалах из фондов Российского государственного архива социально-политической истории, а также периодической печати революционного периода и воспоминаниях современников рассматриваемых событий.

Ключевые слова: большевики, Зиновьев, Ленин, Каменев, РСДРП(б), Великая российская революция, агитация, пропагандистская деятельность, Петроград, Центральный Комитет.

V.N. SAMOKHODKIN

G.Ye. ZINOVIEV'S ACTIVITY AS A POLITICAL AGITATOR IN APRIL–JUNE OF 1917

Saint-Petersburg State University, Institute of History,
5 Mendeleev Str., Saint-Petersburg, 199034, Russia

Under new conditions established in Russia after the February revolution agitation activities of political parties, including the RSDLP(b), obtained a special value, which was specially emphasized by V.I. Lenin in his "April Theses". Thus it seems actual to focus on the activity of one of the most talented orators of the Bolshevik party G.Ye. Zinoviev, who was the closest associate of Lenin and a member of the Central Committee of the RSDLP(b). The current topic relevance is also determined by the fact that G.Ye. Zinoviev's role in the events of 1917 was covered with prejudice in the Soviet historiography for ideological reasons, and it didn't attract any scientific interest in the Post Soviet period. However, according to his contemporaries, political propaganda was one of the most important aspects of Zinoviev's work between two Revolutions.

The author of the current article strives to investigate the propagandist activities of G.Ye. Zinoviev since his return from the exile to Petrograd and up to the historical events of June.

The study is based on the preserved transcripts of G.Ye. Zinoviev's speeches and newspaper reports about them, archival documents, as well as his contemporaries' memoirs. Studying G.Ye. Zinoviev's activities and his ideas the author attempts to draw a conclusion, whether the assumption that Zinoviev had opposed V.I. Lenin since spring of 1917 is true.

Being an outstanding public speaker, Zinoviev played a prominent role in the propaganda of Bolshevik ideas during April–June, 1917. The party entrusted Zinoviev with participating in rallies that were the most difficult in terms of agitation and propaganda, because of the lack of sympathy for the Bolshevik movement. With that, the ideas propagated by Zinoviev did not come into collision with those of V.I. Lenin. This in turn indicates, that the reason why Zinoviev fell into opposition to Lenin should be searched in later revolutionary events.

Key words: Bolsheviks, Zinoviev, Lenin, Kamenev, RSDRP (b), Great Russian Revolution, agitation, propaganda, Petrograd, Central Committee.

В пропаганде большевистских идей после Февральской революции наряду с периодической печатью и летучими листовками ключевую роль играла устная агитация. В революционной обстановке, затронувшей интересы практически всех слоев населения, митинг

становился одной из основных форм выражения отношения широких народных масс к быстро меняющейся политической конъюнктуре. В этих условиях агитация приобретала особое значение. Основной задачей большевистских агитаторов в период апреля – июня

Вячеслав Николаевич Самоходкин – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, e-mail: feoclistus-sicilicius@yandex.ru

Vyacheslav N. Samokhodkin – postgraduate student, Saint-Petersburg State University, Institute of History

В.И. Ленин считал раскрытие противоречий между интересами капиталистов и волей большинства населения, направляя тем самым «на них внимание народа, стараться прояснить сознание масс, обращаясь к их классовому сознанию» [1, с. 389].

В настоящей статье освещается деятельность одного из виднейших представителей партии большевиков Г.Е. Зиновьева в качестве агитатора в период с апреля по июнь 1917 г. Верхней хронологической границей нашего исследования является приезд Зиновьева в Петроград 3 (16) апреля, нижней – начало июльских событий, в результате которых он вместе с В.И. Лениным перешел на нелегальное положение.

Прежде всего отметим, что агитационная работа была одним из приоритетных направлений деятельности Зиновьева. Вместе с тем в исследуемый период он бок о бок с В.И. Лениным редактировал газету «Правда» (причем впоследствии вспоминал, что период с апреля по июль 1917 г. в их совместной с Владимиром Ильичом редакторской работе был наиболее насыщенным и напряженным¹), активно писал статьи, а также занимался организационной работой в партии и Петроградском совете.

Ораторский талант Зиновьева был признан современниками – как соотечественниками [2, с. 28], так и иностранцами [3, с. 148], что выделяет его среди других большевистских агитаторов. Один из талантливейших ораторов эпохи Л.Д. Троцкий замечал, что Григорий Евсеевич был «оратором исключительной силы», способным «проникать в душу демоса и играть на ее струнах» [4, с. 50–51], подчеркивая при этом, что по своей сути «Зиновьев был агитатором и даже, по выражению Ленина, только агитатором» [5, с. 296].

Зиновьев, будучи наиболее видным (после В.И. Ленина) членом ЦК, сыграл важную роль в выработке тех идей, которые пропагандировал как он сам, так и другие большевистские агитаторы.

Наконец, следует отметить что в отечественной историографии роль Г.Е. Зиновьева в событиях 1917 г. в советский период по идеологическим причинам освещалась весьма предвзято, а в постсоветский пока не привлекла внимания исследователей. В отечественной историографии во многом благодаря написанным после 1934 г. мемуарам участников событий (см., например: [6, с. 12]) сложилось мнение, что Г.Е. Зиновьев начал выступать против Ленина еще весной 1917 г., уже тогда проявляя колебания, которые, в конечном счете, к октябрю и привели его в оппозицию по отношению к плану вооруженного восстания (см., например: [7]).

Агитационная работа Г.Е. Зиновьева в России началась тотчас же по пересечении финской границы при возвращении из эмиграции лидеров РСДРП(б) (см., например: [8]). Тогда, 3 (16) апреля на станции «Белоостров», именно Зиновьев, выйдя на площадку вагона, произнес перед встречавшими Ленина

сестрорецкими рабочими «небольшую, но горячую речь – первую на территории революционной России» [9, с. 222].

На следующий день, 4 (17) апреля 1917 г., выступая перед большевиками-участниками Всероссийского совещания Советов, В.И. Ленин назвал вопрос об отношении к войне основной проблемой текущего момента [1, с. 103]. Согласно же второму ленинскому программному тезису, «своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» [1, с. 106]. Таким образом, пропаганда среди рабочих масс большевистских идей для подготовки их к новому этапу революции стала важнейшим направлением политики РСДРП(б) вплоть до перехода власти к Советам.

Зиновьев немедленно взялся за воплощение в жизнь политики, намеченной Лениным в его знаменитых «апрельских тезисах». Считавшийся в партии одним из ведущих экспертов по Интернационалу и войне, он первым делом принялся разъяснять рабочим массам именно эту проблему.

Согласно биографическим материалам из хранящегося в Российском государственном архиве социально-политической истории личного фонда Г.Е. Зиновьева, 9 (22) апреля в актовом зале политехникума состоялась его первая, с момента возвращения в Россию, публичная лекция «Война и революция»². 10 (23) апреля Григорий Евсеевич выступил на аналогичную тему в казармах Измайловского полка³, где, кроме него, произнес речь В.И. Ленин [1, с. 187]. На сеанс очередной лекции, прочитанной Зиновьевым в здании политехникума 11 (24) апреля, собралось примерно 2 тыс. чел. [10, с. 770]. 16 (29) апреля аналогичное выступление состоялось в зале Морского корпуса, где присутствовали уже около 3 500 чел. В программу лекции пришлось добавить вопрос о поездке через Германию. Стоит отметить, что Зиновьеву уже приходилось выступать на эту тему, правда, перед однопартийцами, а также перед членами Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов [11, с. 73].

Лекция «Война и революция» оказалась весьма популярной: буквально на следующий день, 17 (30) апреля, в помещении Бетонного плаца Галерного завода послушать Зиновьева собрались уже 15 тыс. чел. По итогам выступления огромная аудитория решила вынести резолюцию, в которой выразила «полное доверие товарищам Ленину и Зиновьеву и другим эмигрантам», а также протест против их травли [10, с. 771]. Документ был под гром аплодисментов принят единогласно, а оратора слушатели вынесли на руках. Восторженные рабочие и солдаты, постро-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 324. Оп. 1. Д. 492. Л. 4–6.

² Там же. Д. 5. Л. 68.

³ Там же.

ившись у дверей, кричали лектору «ура!». Последнее выступление Зиновьева с лекцией «Война и революция» состоялось в театре «Колизей» 23 апреля (6 мая) [10, с. 772].

Впрочем, только этой темой репертуар Зиновьева как революционного трибуна не ограничивался. 18 апреля (1 мая) он произнес на Марсовом поле перед рабочими пространную речь об истории первомайского праздника, а 12 (25) мая выступил с речью на митинге, собравшемся в знак протеста против осуждения на смертную казнь австрийского социал-демократа Фридриха Адлера⁴, убитшего министра-президента Австро-Венгрии графа Карла фон Штюргка, персону которого ассоциировалась у австрийцев с перегибами политики военного абсолютизма [12, с. 55].

На содержании лекций Зиновьева о войне и революции газета «Правда», в которой помещались краткие отчеты о них, подробно не останавливалась. Но, как мы полагаем, выступление Григория Евсеевича на совещании делегатов с фронта, открывшемся 25 апреля (8 мая) в Петрограде, как раз и было «фирменной» зиновьевской лекцией «Война и революция». Публикуя в 1925 г. 7-й том «Сочинений» Зиновьева, в комментариях к основному тексту редакционная коллегия не без сожаления отмечала, что стенограмма его речи на совещании делегатов с фронта не обнаружена. Все, что удалось выявить тогда, это заметки о выступлении, помещенные в газетах «Речь» и «Новая жизнь» [13, с. 57]. Однако стенографический отчет Совещания делегатов с фронта не только существует, но даже был опубликован в виде нумерованных бюллетеней вскоре после его закрытия. Ввиду того, что выступление Зиновьева на этом мероприятии является, по существу, единственной найденной стенограммой его доклада о войне и революции, с которым он выступал ранее перед самыми разнообразными собраниями рабочих, а также на Всероссийском крестьянском съезде, мы считаем необходимым остановиться на этом эпизоде подробнее.

Съезд фронтовых делегатов, по сообщению большевистских газет, прошел под лозунгом соглашения с буржуазией⁵. Григорий Евсеевич выступил на нем в качестве приглашенного делегата от РСДРП(б) [14, с. 37]. 30 апреля (13 мая), когда совещание заседало непрерывно с 10 утра до 19 вечера, на повестке дня значилось два доклада: военного министра А.И. Гучкова и представителя большевиков Г.Е. Зиновьева.

А.И. Гучков в своем часовом выступлении патетически призывал делегатов с фронта «к прозрению», поскольку, по мнению министра, иначе, как победив Германию, спасти родину и революцию не удастся. Для этого необходимо умерить шаги и без того далеко зашедшей военной демократии: оратор требовал соблюдения железной дисциплины вплоть до победы Антанты в войне⁶.

Вслед за Гучковым от партии большевиков выступил Зиновьев. Трехчасовая речь, которую оратор произносил практически не останавливаясь, лишь изредка делая короткие паузы, необходимые для поправки дыхания, произвела большое впечатление на фронтовых делегатов.

Зиновьев начал с того, что попытался оправдаться перед совещанием за проезд через Германию, пространно и вполне убедительно доказывая, что русские эмигранты попросту не могли поступить иначе, и, отметив, что в это самое время тем же путем, как и большевики, в Россию возвращаются политэмигранты-меньшевики. Объяснения выступавшего встретили сочувственный отклик почти у всей аудитории. Обличительные нападки Зиновьева на европейский капитализм произвели на публику «несомненное впечатление», однако, когда оратор перешел от истории к нынешнему моменту, его постигла неудача. На многочисленные вопросы публики «как закончить войну?», Зиновьев вынужден был не раз ответить, что «к сожалению, рецепта окончания войны» у него нет. Неясной для делегатов оказалась и позиция докладчика по вопросу о братаниях солдат на фронте⁷.

Тем не менее Зиновьев развернуто изложил позицию большевиков по вопросу о мире. «Мы зовем вас, – убеждал Зиновьев делегатов-фронтовиков, – не к сепаратному миру с Вильгельмом⁸ и переговорам с ним, а к тому, чтобы, свергнув власть капиталистов у нас, взяв власть в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, объединиться с рабочими всех стран, чтобы низвергнуть всех капиталистов, а о сепаратном мире нет речи» [14, с. 42]. Зиновьев заметил, что, с другой стороны, большевикам приписывают еще один «рецепт окончания войны», будто бы они призывают солдат просто воткнуть штыки в землю и уйти. «Оттого, что одна из 10 воюющих стран уйдет, война не кончится» [14, с. 43], – заявил Зиновьев, открестившись, таким образом, от сепаратного мира как «сверху», так и «снизу». Оказавшись у власти, он, в числе совсем немногих в партии, займет совершенно другую позицию, с самого начала поддержав В.И. Ленина по вопросу о Брестском мире.

Коснулся Зиновьев в своей программной речи и земельного вопроса. От имени большевиков он высказался за немедленный переход земли к крестьянам, не дожидаясь Учредительного собрания, созыв которого правительство бесконечно откладывало. Заканчивая свое пространное выступление, Григорий Евсеевич громогласно объявил, что большевики выступают «за диктатуру крестьян и рабочих», «за власть Советов рабочих и солдатских депутатов» [14, с. 44].

Так как в президиум была подана масса записок с вопросами – сам оратор заметил, что их поступило более сотни [15, с. 7], Зиновьев начал на них отвечать. Однако, по настоянию аудитории, президиум принял

⁴ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 5. Л. 68–69.

⁵ См. например: Правда. 1917. 9 мая (26 апр.).

⁶ Новая жизнь. 1917. 2 (15) мая.

⁷ Там же.

⁸ Вильгельмом II – германским императором. – В.С.

решение изменить традиционный порядок прений. Так как на съезде от Исполнительного комитета Петроградского совета присутствовал И.Г. Церетели⁹, лидер меньшевиков, стоявший, как известно, на оборонческих позициях (см. например: [16, с. 42–43]), но имевший наибольшую среди всех советских вождей популярность в народе, его попросили оппонировать представителю большевиков. Было решено, что по каждому вопросу выскажутся два оратора: сначала Зиновьев, а затем его оппонент. Правда, в силу утомленности слушателей едва начавшийся диспут пришлось отложить до следующего дня.

1(14) мая совещание попросило товарищей Зиновьева и Церетели продолжить дискуссию [15, с. 1–2]. Делегаты интересовались отношением представителей диаметрально противоположных крыльев российской социал-демократии к Временному правительству, к войне, к «Займу свободы» и земельному вопросу¹⁰. Зиновьеву пришлось во многом повторять свой доклад. Он заявил, что, по мнению большевиков, революции, перед которой стоят колоссальные задачи, необходима сильная власть, и Временное правительство менее всего соответствует этому критерию. Вся власть должна перейти в руки Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, но лишь тогда, когда большинство населения выскажется за это [15, с. 2], мирным путем. Здесь важно отметить, что Ленин в тот период не пояснял, каким именно образом управление государством должно перейти от Временного правительства к Советам. Вполне возможно, что такую формулировку Зиновьев позаимствовал у Л.Б. Каменева – основного оппонента Ленина в партии по вопросу о завершении в России буржуазно-демократической революции, с которым Григорий Евсеевич в тот период совместно работал в Петроградском совете. Однако в дебатах, развернувшихся вокруг разногласий Ленина и Каменева на Седьмой (Апрельской) конференции РСДРП(б), Зиновьев поддержал ленинскую позицию, называя при этом вопрос о переходе власти в руки Советов «нервом всей нашей агитации и плана» [17, с. 164]. Тогда он разошелся с Владимиром Ильичом только по вопросу о тактике партии в Циммервальдском блоке [17, с. 211–214].

Церетели отчаянно возражал Зиновьеву по каждому вопросу, требуя от большевиков не на словах, а на деле подчиниться Совету и его исполкому. Защищая оборонческую точку зрения, он призывал предоставить важнейшие вопросы, в том числе и земельный, на решение Учредительного собрания. По свидетельству корреспондента «Новой жизни», «делегаты с большим вниманием слушали диспут и аплодировали то одному, то другому оратору одинаково горячо, но, тем не менее, сочувствие громадного большинства оказалось на стороне Церетели»¹¹. После этого Зиновьев покинул совещание.

Церетели в последующих своих выступлениях старался посредством ораторского таланта искоренить появившиеся в умах части делегатов-фронтовиков ростки большевистских идей, посеянных Зиновьевым. Уже на следующем заседании один из делегатов, некто штабс-капитан Богданов, заявил, что «Зиновьев бросает лозунги и сам не делает никаких выводов. Выводы делает армия. Люди бегут, соблазненные лозунгами Зиновьева»¹². Учитывая официальный характер совещания, а также значительную долю офицеров среди делегатов, выполоть «сорняки» большевистских идей на оборонческий манер оказалось довольно просто. Тем не менее «бой» народных трибунов, продлившийся два дня, не прошел даром: Церетели был вынужден в конце концов заявить, что Петроградский совет «добивается не только опубликования договоров, нарушающих права народов», но и их «отмены, которая должна быть сделана в согласии с народами Антанты» [13, с. 57]. Таким образом, лидер оборонческого крыла РСДРП буквально повторил пункт большевистского программного доклада, посвященного этому вопросу.

4 (17) мая в Народном доме в Петрограде прошел Всероссийский крестьянский съезд [13, с. 137]. Открывавший его С.С. Маслов выделил стоявшие перед съездом задачи, главнейшими из которых декларируются «централизация и оформление мнения крестьян», а также необходимость посредством российского крестьянства «заставить всех выполнить обязанности свои перед родиной»¹³. 11(24) мая, на 8-й день заседаний съезда, от партии большевиков с докладом по вопросу о войне выступил Г.Е. Зиновьев. По сути, содержание зиновьевской речи было тем же, что и на прежних выступлениях. Оратор выступал за публикацию тайных договоров, за мир «без аннексий и контрибуций» на основе самоопределения народов, а также, по требованию крестьянских делегатов, выразил, хоть и весьма туманно, свое отношение к братаниям солдат на фронте¹⁴.

Проект резолюции о войне, внесенный группой большевиков, встретил несогласие у эсеровского большинства [13, с. 137]. Речь Зиновьева вызвала различную реакцию среди делегатов съезда – значительная часть не разделяла большевистских лозунгов, раздавались крики: «Товарищ Зиновьев, в окопы!»¹⁵. Однако без аплодисментов Григорий Евсеевич все же не остался.

Новый виток антивоенных лекций Г.Е. Зиновьева начался после провала так называемого «наступления Керенского» на Юго-Западном фронте, первые известия о котором до общественности Петрограда дошли 18 июня (1 июля). 21 июня (4 июля) с докладом по этому поводу он выступил в Городской думе¹⁶.

⁹ Новая жизнь. 1917. 2 (15) мая.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. 3 (16) мая.

¹³ Там же. 5 (18) мая.

¹⁴ Там же. 12 (25) мая.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 5. Л. 72.

30 мая (12 июня) открылась Первая петроградская конференция фабрично-заводских комитетов, на которую съехалось 568 делегатов [18, с. 70]. Особенно весомую роль в ее организации сыграл Петербургский комитет большевиков. Наряду с организационной деятельностью РСДРП(б) и ее вожди по-прежнему особое внимание уделяли идее «рабочего контроля», и с приходом революции в российскую действительность почувствовалась острая потребность конкретизировать и объяснить пролетариату лозунг «рабочего контроля на производстве» с целью воплощения его в жизнь. Особо внимательное отношение к движению фабзавкомов и их конференции проявили В.И. Ленин и Г.Е. Зиновьев, участвовавшие в работе конференции и выразившие на ней линию партии по всем основным вопросам [18, с. 68].

Зиновьев выступил на этой конференции с докладом о состоянии промышленности и необходимости ввести рабочий контроль над производством [10, с. 786]. Он резко критиковал фабрично-заводские комитеты за то, что они состоят на «побегушках» у хозяев, в то время как у самих фабзавкомов в революционных условиях есть все шансы вести себя, как хозяева [19, с. 77]. Когда собравшиеся принялись обсуждать вопрос о контроле над производством и распределением продуктов, Зиновьев от имени Организационного бюро по созыву конференции огласил большевистский проект резолюции о мерах борьбы с хозяйственной разрухой [18, с. 86].

В резолюции утверждалось, что катастрофу, которая постигла хозяйственную жизнь страны, классическими капиталистическими методами преодолеть нельзя. Для подлинного выхода из страшного кризиса необходимо установление действительного рабочего контроля над производством и распределением продуктов. Резолюция давала рецепт для организации рабочего контроля: во-первых, признавалось необходимым, чтобы на всех производственных предприятиях и в связанных с ними учреждениях за рабочими было обеспечено не менее 2/3 всех голосов, при обязательном привлечении к участию как не отошедших от дела предпринимателей, так и технически-научно-образованного персонала; во-вторых, необходимо, чтобы фабричные и заводские комитеты, равно как и профессиональные союзы, получили право сотрудничать в контроле, с полным доступом ко всем торговым и банковским книгам, а также данным о торговых операциях, проводимых на конкретном предприятии [18, с. 86].

Меры предлагались вводить постепенно и продуманно, но в то же время безо всякой оттяжки – именно благодаря этим шагам рабочий контроль должен перерасти в полное регулирование производства и распределения продуктов рабочими. Таким образом, как отмечалось в резолюции, в руки народа перейдет «большая часть прибылей».

Резолюция констатировала, что оздоровление финансовой системы и «всего денежного дела» невоз-

можно вплоть до прекращения войны. Ввиду этого предполагалось организовать в широком областном, а затем и общегосударственном масштабе обмен сельскохозяйственных орудий, одежды, обуви и прочей продукции на хлеб и иные сельскохозяйственные продукты – но только на время войны. После этого был возможен переход к всеобщей трудовой повинности под контролем народной милиции, а также перевод рабочих с военного на мирное производство. Заканчивалась резолюция констатацией того, что планомерное и успешное проведение вышеуказанных мер возможно только в случае перехода всей государственной власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов [18, с. 87].

Вслед за Зиновьевым «новожизненец» Б.В. Авиллов предложил свой проект резолюции, на который с критикой обрушился В.И. Ленин, отметивший, что «резолюция Авилова, начавшая с того, что обещала дать все, закончила тем, что в сущности предлагает все оставить по-старому» [18, с. 92].

По итогам прений была принята резолюция Зиновьева, за которую было подано 290 голосов [18, с. 70], в то время как за проект Авилова – лишь 13. Данная резолюция, по словам исследователя Н. Дмитриева, «заполнила конкретным большевистским содержанием по существу абстрактный лозунг рабочего контроля» [19, с. 84]. Важно отметить, что этот документ уже после Октябрьского переворота, когда большевистские лозунги о «рабочем контроле» активно старались реализовать на практике, вполне продолжали воспринимать как инструкцию по осуществлению «рабочего контроля» [20, с. 106–107].

Подводя итоги, стоит отметить, что в условиях «первого периода революции», когда агитация играла одну из ключевых ролей в политике РСДРП(б), Г.Е. Зиновьев внес значительный вклад в борьбу РСДРП(б) за привлечение широких масс на сторону большевиков. Партия поручала ему выступления на наиболее важную и злободневную на тот момент тему – о войне и революции – перед аудиторией, сочувствие которой большевикам было не слишком велико. При этом агитационная работа Зиновьева в данный период находилась «в русле» программных «апрельских тезисов» В.И. Ленина, а это позволяет сделать вывод о том, что причину перехода Зиновьева в оппозицию к Ленину накануне Октябрьской революции стоит искать в последующих событиях. Скорее всего, этот переход был связан именно с июльским кризисом и вызванными им гонениями на большевиков, на основании чего Зиновьев сделал вывод, что РСДРП(б) еще не готова к захвату власти, и в этом он оказался вполне солидарен с Л.Б. Каменевым. Кроме того, в сложившихся после июля 1917 г. условиях в деятельности РСДРП(б) в Петрограде все более преобладала уже не пропагандистская, а организационная работа, а эта сфера отнюдь не была сильной стороной Григория Евсеевича [21, с. 260].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. М., 1969. Т. 31: март – апрель 1917. 671 с.
2. Луначарский А.В. Григорий Евсеевич Зиновьев (Радомысльский): сборник работ. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 28–31.
3. Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? М.: Центрполиграф, 2008. 413 с.
4. Троцкий Л.Д. История русской революции. М.: Терра; Республика, 1997. Т. 2. Ч. 1. 317 с..
5. Троцкий Л.Д. История русской революции. М.: Терра; Республика, 1997. Т. 1. 461 с.
6. Сталь Л.Н. Вождь Октября: Ленин в 1917 году: воспоминания. М.: [Политиздат], 1967. С. 11–14.
7. Волин Б. Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич // Большая Советская Энциклопедия. М.: ГСЭИ Советская Энциклопедия, 1933. Т. 27. С. 48–51.
8. Смолин А.В. 1917 год: Торнео – дорога в Россию // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 19–53.
9. Раскольников Ф.Ф. Приезд Ленина в Россию // Пролетарская революция. 1923. №1(13). С. 212–226.
10. Зиновьев Г. Год революции. Л.: Госиздат, 1925. 836 с.
11. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и бюро М.; Л., 1925. 375 с.
12. Бауэр О. Австрийская революция 1918 года. М.; Л., 1925. 294 с.
13. Зиновьев Г. Сочинения. Л.: Госиздат, 1925. Т. 1, ч. 1. 559 с.
14. Стенографический отчет делегатов фронта. Заседание 30 апреля 1917 г. [Пг., 1917]. 65 с.
15. Стенографический отчет делегатов фронта. Заседание 1 мая 1917 г. [Пг., 1917]. 46 с.
16. Рачковский В.А. Война и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в феврале–марте 1917 г. // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 39–47.
17. Седьмая («Апрельская») всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП(б): апрель 1917. [Протоколы]. М.: Партиздат, 1934. 311 с.
18. Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. 1.: От февраля к октябрю. М.; Л., 1927.
19. Дмитриев Н. Петроградские фабзавкомы в 1917 г. // Красная летопись. 1927. № 2(23). С. 62–100.
20. Шестая Конференция ФЗК, Петербург, 22–27.I.1918: Протоколы и материалы. СПб., 2002. 501 с.
21. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: Книга по требованию, 2013. 357 с.
2. Lunacharskiy A.V. Grigoriy Evseevich Zinov'ev (Radomysl'skii). *Sbornik rabot*. Moscow, 2014, pp. 28–31. (In Russ.).
3. Hil'ger G., Meyer A. Russia and Germany. Allies or enemies? Moscow: Tsentropoligraf, 2008, 413 p. (In Russ.).
4. Trotsky L.D. History of the Russian Revolution. Moscow: „Terra“ Respublika, 1997, vol. 2, part 1, 317 p. (In Russ.).
5. Trotsky L.D. History of the Russian Revolution. Moscow: „Terra“ Respublika, 1997, vol. 1, 461 p. (In Russ.).
6. Stal' L.N. Leader of October. *Lenin in 1917: memories*. Moscow, 1967, pp. 11–14. (In Russ.).
7. Volin B. Zinov'ev (Radomysl'skiy) Grigoriy Evseevich. *Bol'shaya sovestkaya entsiklopediya*. Moscow, 1933, vol. 27, pp. 48–51. (In Russ.).
8. Smolin A.V. 1917: Torneo – a road to Russia. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2015, no. 2, pp. 19–53. (In Russ.).
9. Raskol'nikov F.F. The arrival of Lenin to Russia. *Proletarskaya revolyutsiya*. 1923, no.1, pp. 219–226. (In Russ.).
10. Zinoviev G. Year of the Revolution. Leningrad, Gosizdat, 1925. 836 p. (In Russ.).
11. Protocols of meetings of the Executive Committee and the Bureau of the Executive Committee. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1925, 375 p. (In Russ.).
12. Bauer O. The Austrian Revolution of 1918. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1925, 294 p. (In Russ.).
13. Zinoviev G. Collected works. Vol. 1, pt. 1. Leningrad, Gosizdat, 1925, 559 p. (In Russ.).
14. A verbatim report of the front delegates. Meeting on April, 30, 1917 [Petrograd, 1917], 65 p. (In Russ.).
15. A verbatim report of the front delegates. Meeting on May, 1, 1917. [Petrograd, 1917]. 46 p. (In Russ.).
16. Rachkovskiy V.A. War and the Petrograd Soviet of Workers ' and Soldiers' Deputies in February-March 1917. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2015, no. 1, pp. 39–47.
17. The Seventh (“April”) All-Russian and Petrograd City Conference of the RSDLP (Bolsheviks): April 1917: [protocols]. Moscow: Partizdat, 1934. 311 p. (In Russ.).
18. October Revolution and factory committees in 1917. Pt. 1. From February to October. Moscow, Leningrad, 1927. 277 p. (In Russ.).
19. Dmitriev N. Petrograd factory committees in 1917. *Krasnaya letopis'*. 1927, no. 2, pp. 62–100. (In Russ.).
20. Sixth conference of factory committees, St. Petersburg, January, 22–27, 1918: protocols and materials. Saint Petersburg, 2002. 501 p. (In Russ.).
21. Trotsky L.D. My life. Moscow, Kniga po trebovaniyu, 2013. 377 p. (In Russ.).

REFERENCES

1. Lenin V. I. Complete set of works: in 55 vol. Moscow, 1969, vol. 31: March –April 1917, 671 p. (In Russ.).

Статья принята
редакцией 27.04.2017